

нули родную речь.

Поколение девяностых – им ныне тридцать и за – большое

поиск, авангардный мятеж, этими чертами мои ровесники, надеюсь, будут наследовать

палач в одном мурле. Крысы фиксируют чуму. Окрысившиеся юнцы отразят в своих беш-

с арбузами, придушат право-славную монахиню-побирушку. Они с пеленок половозрелы, как солженицынские «малолетки». Книжки порвут, не читая. И карты порвут географические. И глобус могут расколоть (войска НАТО не позволят).

Крысы – агенты чумы.

Сможем ли мы, двадцатилетние, исправить следующее поколение? Чем, детскими книжками? Нет, книжки надо писать суровые, тяжелые, оправдываясь за свое существование перед собой и ледяной вечностью, а не перед плохишами.

Надо показывать «Спокойной ночи, малыши» нормального совкового качества. Переиздать за государственный счет Юрия Томина («Шел по городу

волшебник») или Софью Прокофьеву («Лоскутик и облако»). Чудесные заманчивые жемчужные детские авторы с увлекательным сюжетом и охранительной моралью. Тупые родители выкидывают такие книги на помойку, а детям включают телевизор с модным сериалом «Скажи молочнице прощай». А тридцатилетние филологи подмахивают смерти страны призывами умертвить и без того полуживую литературу.

В общем, все хотят быть как все. Поэтому и ждет нас капут. Все станет всем. Нужно же насильственное насаждение культуры и искусства – накопление в головах садовых золотого запаса.

Иду по улице. Семейка молодоженов со своим карапу-

зом. Малыш горланит матерные песни Шнура. Родители – одобрительно зарделись.

Еду в электричке. Бабушка, папа, мама и маленькая девочка. Бабушка: Вот когда молодая я была, ездила в Польшу. Там лестница такая старинная, средневековая...

Мужчина (зевая): Какая-какая? Старовекковая, нововекковая... Кому это надо! Прошли те времена...

Женщина: Мам, уймись. Не грузи Любку.

Девочка показывает язык.

На языке белоснежный об-лачный комоч жвачки. Белое резинное яичко мастерски скатанного чунингама.

Новая жизнь. Новая тварь. Смерть вам и нам. Извините за банальность. ■

Грядущие уже сейчас пробегают по улицам с увесистыми битами. С молодых когтей они настроены на охоту

болото. Расслабленная наркотическая заумь, дегенеративный солипсизм, бесприютный стес – максимум, который они вымучили для мира. Вечные инвалиды, те, с кем приходится уживаться и махаться нам, формирующимся в наши дни. Пафос, твердость, духовный

лучшим образцам. Надеюсь, будут имена и произведения. Мы просто обязаны проявиться и доказать историческую теорему. Чтобы из гробов зааплодировали костяные Катаев и Трифонов.

Но грядет следующее поколение. Отморозков. Жертва и

ных гляделках распад. Уже сейчас в России два миллиона бездомных маленьких бойцов. Эти грядущие уже сейчас пробегают по улицам с увесистыми битами. С молодых когтей они настроены на охоту. Они будут бить, ломать, подрывать, откусывать. Кокнут азербайджанца

Мечта написать о Махно

Борис Васильев: «Я выбираю талантливого героя»

В конце мая исполнилось 80 лет писателю Борису Васильеву. Эта простая и пространная фамилия у каждого вызывает свои ассоциации. Однако если на вопрос «Какой Васильев?» напомнить: «А зори здесь тихие...», то почти любой человек протянет понимающе: «А-а-а...» Потому что книги Васильева действительно знают и любят все – от школьников до пенсионеров, от рабочих до академиков, от коммунистов до либералов... И хотя политически Борис Львович последовательно и четко примыкает к либералам (это известно из его яркой публицистики), книги его охотно читают все. Поэтому и разговор зашел в первую очередь о литературе.

– Борис Львович, на ваш взгляд, люди стали меньше читать?

– Да, к сожалению. Место книги все чаще занимает телевизор. А теперь еще и интернет.

– Но ведь вы публикуетесь в интернете, скажем, на сайте «Писатель.ru». Это попытка достучаться с нашей традиционной культурой до потребителя современной информации?

– Можно и так сказать.

– А вам не кажется, что подобные попытки столь же

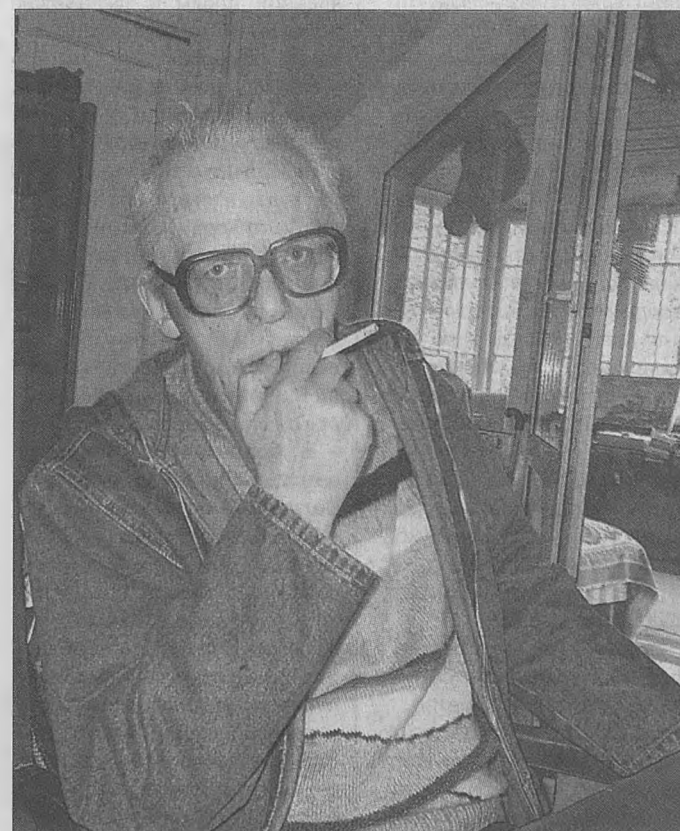
щего XIX столетия, меня обучали люди родом оттуда. И пугает меня не то, что в интернете может быть скверно, а то, что человек выпустил книжку из рук. Книжка – это ведь не только информация, в самой форме ее содержится многое, это же такой кирпичик культуры. Вы ее держите в

Займствовывать надо идеи, мысли, образ жизни правильный, а язык у нас и так богатый

наивны, как стремление конструкторов начала XX века делать автомобиль в виде кареты. Очень скоро литература станет совсем не нужна и интернету.

– Думаю, что вы правы. Хотя мое мнение – это мнение человека, вообще принадлежа-

руках, она что-то весит, вы кладете ее на грудь. Достаете спокойно, вдумчиво, возвращаетесь обратно, перечитывая, что было вначале... А интернет требует стремительного отслеживания информации. Но информация еще не есть литература.

Писатель Борис Васильев считает книги кирпичиками культуры.
Фото автора

НГ Exhibits (прил. к Независимой) – 2004 – 3 июня – с. 1-2

– А словарный запас становится больше? Или меньше?

– Конечно, меньше, и притом резко меньше.

– Но ведь много новых слов появилось.

– Это не то. Словарь Даля – вот где словарный запас. А заимствованные из иностранных языков словечки, которые мы употребляем все чаще ни к селу, ни к городу – это лишь мусор, засоряющий язык. Займствовывать надо идеи, мысли, образ жизни правильный, а язык у нас и так богатый. Зачем нам чужие словечки? Но этим, к сожалению, очень грешит телевидение. Жаргон стал нормой там, это как раз яркий пример малого запаса слов, который они таким образом компенсируют – за счет разговорных выражений. Как дети.

– А современная литература вам нравится?

– Я не смогу ответить на этот вопрос, потому что давно ее не читаю – времени жалко. **ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2**